

Теория и история культуры
Theory and history of culture

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-8-20>

УДК 257

ББК 86/2

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. В. Ю. Лебедев
г. Тверь, Россия

© 2023 г. А. М. Прилуцкий
г. Санкт-Петербург, Россия

**ВОСПРИЯТИЕ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СССР**

Аннотация: Статья посвящена изучению мифолого-идеологического позднесоветского дискурса о православных семинариях и академиях. Формирование этого дискурса происходило в условиях отчуждения значительной части советской интеллигенции от религии, причем это относится как к интеллигенции гуманитарной, так и к технической. Источниками формирования соответствующих мифологизированных идеологем являются атеистические пропагандистские материалы, часто представляющие религию и церковь в карикатурном, вульгаризированном виде; рассказы старшего поколения, зачастую достаточно невежественного в религиозных вопросах; случайная информация и т. д. Наряду с советской интеллигенцией влиянию этих мифологем были подвержены представители духовенства и низших клириков. Прежде всего, это относится к клирикам, приступившим к служению в годы перестройки. Многие из них пришли в церковь из секулярной, иногда атеистической среды, поэтому не имели семейных церковных традиций и были во многом носителями позднесоветской культуры повседневности. В дискурсе фиксируется мифологическая идеализация духовного образования, с акцентом на углубленном изучении классических и современных языков; преемственности с дореволюционными школами; большом конкурсе абитуриентов. Наряду с идеализацией духовного образования в дискурсе фиксируется и другая крайность, во многом восходящая к советской атеистической пропаганде, изображавшей церковь как оплот невежества и мракобесия. Отрицательные суждения также демонстрируют значительный диапазон, как в жесткости критики, так и в ее соотношении с реальностью (от реальных моментов жизни церковных школ до мифологических фантазий). Также эти суждения различаются по степени временной актуальности и глобальности обобщений, демонстрируя разную степень знакомства с подлинным положением дел.

Ключевые слова: Семинария, духовное образование, духовенство, мифология, культура повседневности.

Информация об авторах:

Владимир Юрьевич Лебедев — доктор философских наук, доцент, Институт педагогического образования и социальных технологий, Тверской государственный университет, ул. Желябова, д. 33, 170100 г. Тверь, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4840-3135>

E-mail: semion.religare@yandex.ru

Александр Михайлович Прилуцкий — доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, ул. Казанская, д. 6, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7013-9935>

E-mail: alpril@mail.ru

Дата отправки статьи: 18.10.2021

Дата одобрения рецензентами: 19.10.2021

Дата публикации: 29.03.2023

Для цитирования: Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Восприятие духовной семинарии советской интеллигенцией периода позднего СССР // Вестник славянских культур. 2023. Т. 67. С. 00–00. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-8-20>

Постановка проблемы

Отчуждение от религии значительной части советской интеллигенции, как гуманитарной, так и технической, привело со временем к формированию особого дискурсивного пространства, в котором формировались и воспроизводились социальные мифологемы «о религии и церкви». Источники их были различны: к ним относятся атеистические пропагандистские материалы, иногда представляющие религию и церковь в карикатурном, вульгаризированном виде; рассказы старшего поколения, зачастую достаточно невежественного в религиозных вопросах; случайная информация и т. д. Сразу стоит уточнить, что в определенном смысле такой «мифологии» были подвержены также сами представители духовенства и церковнослужителей, по крайней мере это относится к значительному числу тех, кто приступил к служению в перестроечные годы. Пришедшие в церковь из секулярной, зачастую — атеистической среды где в большинстве случаев не существовало семейных церковных традиций, они во многом были носителями позднесоветской культуры повседневности и соответствующей системы представлений.

В их же представлениях господствовал своеобразный синкретизм, основой которого были различные искажения нормативного (катехетического) религиозного знания и откровенные суеверия. По справедливому наблюдению проф. О.Б. Христовой, «в Советском Союзе борьба с религией, как кажется, только способствовала укоренению “суеверий”» [16, с. 103]. «Интерес» к церкви не тождественен «интересу к религии», он может иметь и культурологический, и этнографический характер. При отсутствии достоверной информации или минимальной возможности проверить имеющуюся такой интерес формирует условия для активизации герменевтических механизмов мифотворчества. Целью настоящего исследования является попытка проанализировать специфику позднесоветского мифа о семинарии — о специфике, содержании, формах и качестве духовного образования, реализуемого в действующих на тот момент семинариях Русской Православной Церкви. Данное исследование не затрагивает вопросов о реальном состоянии дел в духовных учебных заведениях: мы целенаправленно ограничиваем предмет исследования мифологическими проекциями, а само исследование — рамками семиотического подхода.

Обращение именно к учебному заведению как предмету высказывания также существенно важно. Представители советской культуры воспринимали любое образовательное учреждение не только как весьма важный социальный институт, занимающийся образованием, а еще и как отвечающий за облик своих воспитанников, и как определяющий их жизненный путь, дальнейшую роль в обществе. Поэтому сама сущность деятельности учебного заведения выходила в этом представлении за пределы только лишь качества транслируемых знаний и успешности этой трансляции. Для классической же интеллигенции (в отличие от вполне сформировавшихся интеллектуалов) учебное заведение не просто очень важная социальная институция, это сакрализуемый объект, настоящий «храм науки», «храм знания» со своим штатом «служителей» и «священных» авторитетов; частое именование учебных заведений «храмами» не только часть привычной риторики. Но не только в традиции советской культуры сфера образования рассматривается как принципиально важная, именно от нее во многом зависит возможность конвертации образования как социального капитала (ср.: [3]). Специфика духовных школ после патриаршества Сергия состояла и в том, что формируемая образованность была заведомо изъята из общей сферы образования, исключена из общесоциальной системы такой конвертации, изолирована в узком секторе образовательной деятельности (что проявлялось даже в самой форме документа, удостоверяющего получение духовного образования, она как бы заранее сигнализировала о проблематичности конвертации). В случае конкуренции учебных учреждений возникает и конкуренция указанных социальных капиталов. Неконвертируемость выступает как основание для негативной или сдержанной оценки образовательного института, а также задает пространство возможной мифологизации. Одним из следствий этого положения был сдвиг стандартов, на что указывает, напр., С. Фирсов [15], сказавшийся, по мнению указанного автора, в усложнении системы оценок преподавания, что, впрочем, не было слишком заметно, так как временной разрыв в значительной степени стер память о прежних образцах, дезактуализировал их, увеличив пространство для потенциальной мифологизации, как с отрицательным, так и с положительным смыслами.

Методы и источники

Используется анализ, направленный на выявление базовых структур, организующих мифосферу. Реконструируется система бинарных оппозиций «плохое/хорошее», выражающихся в оценках. Выявляются стандартные топосы нарратива о духовных учебных заведениях, обусловленные консервативностью повседневного мышления и устойчивыми чертами конфессиональных и культурных традиций, в рамках которых осуществляется повествование и оценивание. Топика связана с устойчивой паттернизацией мышления, благодаря чему выявляются паттернизированные структуры отношения и восприятия, устойчиво фиксированные в культуре. Применительно к паттернизированным картинкам реальности очень важен факторный компонент: причинное обоснование суждений, среди которых для нас особенно важно соотнесение с областью социальных фактов и отношений (например, влияние обучения на социальный престиж, карьерные перспективы).

Источниками служат данные интервью, записи спонтанных бесед, материалы из Интернет-сферы.

Состояние предметной области

Вопросы, связанные с функционированием института духовного образования в СССР, сейчас нуждаются во вдумчивом исследовании. При этом нельзя сказать,

что научные работы, посвященные данной проблематике, отсутствуют полностью. А.Н. Федорчук опубликовал результаты достаточно подробного исследования жизни Волынской семинарии в годы правления Н.С. Хрущева [14]. Р.В. Тупинин проанализировал советский период истории духовного образования в Смоленске [12]. Существуют исследования, посвященные истории Ленинградских богословско-пастырских курсов, на базе которых происходило формирование современных СПбДС и СПбДА [2]. Кроме того, вопросы истории духовного образования отражены в ряде исследований, затрагивающих региональную историю государственно-церковных отношений в Ставрополе [1], на Урале [8], в Куйбышеве [18], Иркутске [17] и др. Представляют интерес и отдельные работы, посвященные конкретным хронологическим стратам [4; 11] или значимым событиям государственно-религиозных отношений, например, возвращению Московской духовной академии в Троице-Сергиеву лавру, состоявшемуся в 1948 г. [10]. Все упомянутые исследования посвящены анализу деятельности епархий и духовных школ в соответствующем историко-политическом контексте. При этом проблема восприятия духовных школ в светском обществе и даже в церковной и околоцерковной среде, непосредственно не связанной с духовным образованием, остается неопищенной и неизученной.

Исследование

Проведенные нами исследования показали, что в 1990-гг «семинарскую мифологию» во много разделяли представители приходского духовенства, среди мирян «семинарский миф» успешно конкурирует с популярными тогда апокрифическими сюжетами [6]. Так, в ироничном нарративе репрезентации священника, записанном авторами в 1994 г., семинария семиотизируется как аллегория не только высококлассного гуманитарного образования, но и соответствующего социального, в том числе иерархического статуса: «простой сельский поп с беленьким крестиком: семинарию не заканчивал, ни по-гречески, ни по-арамейски ни читать, ни говорить не могу, короче — свиньи, куры, огород»¹. «Беленький крестик» — т. е. восьмиконечный иерейский наперсный крест — семиотизирует низкий иерархический и социальный статус не учившегося в семинарии сельского иерея. Его включение в имплицитное, но вполне понятное для коммуникантов семиотическое противопоставление с наградными крестами служит и апелляцией к практике досрочно награждать священников, получивших диплом духовной академии, наградным четырехконечным крестом. Образованный священник, закончивший семинарию и умеющий «читать и говорить по-гречески и арамейски», наделяется более высоким социальным статусом и может позволить себе не заниматься сельским хозяйством. Следует отметить, что уже в синодальный период, по крайней мере начиная со второй половины XIX в., плохо обеспеченное сельское духовенство зачастую рассматривало необходимость заниматься приусадебным хозяйством как унижительную. Очевидно, что перед нами мифологическая наррация, со свойственной ей признаками — гипертрофированностью, модифицированностью, фантастичностью описания [13, с. 147], поскольку в реальности выпускников семинарий даже в 1990-е гг. далеко не всегда направляли на городские приходы, и они совершенно точно не могли «говорить по-гречески и по-арамейски», поскольку изучение древних языков даже в Московской академии и семинарии в 1950-80-х гг. «было сведено почти до бесполезного минимума» [5].

¹ Архив авторов.

Интересно, но наиболее слабое место в тогдашней системе духовного образования семиотизируется в качестве ее основного преимущества. Вероятнее всего, причина этого коренится в инертности семиосферы. Историческая память о переводческих трудах духовных школ сохранялась в церкви на протяжении всего советского периода и некритично переносилась на современность, создавая условия для формирования сложной семиотики. Очевидно, что обусловленные ею семиотические процессы протекали по паттерну формирования мифо-семиотического комплекса — в реальности для достижения хорошего знания древнегреческого языка правильнее было бы поступать на классическое отделение филологического факультета. Именно о такой мотивации говорит штатный псаломщик, «так и не отважившийся» поступать в семинарию: «Я всегда мечтал поступить в семинарию в Ленинграде. Как у нас говорили: «в Загорске молятся, в Ленинграде учатся». С молодости хотелось отцов читать по-гречески. Но я тогда даже не отважился поступать. Без блата в «системе» невозможно было, даже документы не принимали. Настоятелям было сказано известно кем, чтобы не особенно направляли в семинарии. А сейчас уже все не то. Типикон попу толком объяснить не могут»². Желание научиться читать отцов Церкви на языке оригинала периодически выступает в качестве мотива поступления в семинарию, при этом оно высказывается людьми, которые зачастую не имели доступа даже к дореволюционным переводам святоотеческих творений на русский язык, патристическая компетентность многих по сути была ограничена содержанием хрестоматии, включенной в Настольную книгу священнослужителя (так называемое многотомное «Пименовское издание»). Стоит отметить, что популярный среди протестантских деноминаций апологетический довод в защиту духовного образования, акцентирующий желательность изучать Библию на языках оригинала, в православной среде нами не фиксируется. Интерес к патристике у наших респондентов явно превалировал над библейской экзегезой.

Причины, делающие чтение отцов Церкви в оригинале особо привлекательным для тогдашних «потенциальных абитуриентов» духовных школ, требует дальнейшего изучения. Вполне вероятно, что мы имеем дело с использованием своего рода апологетической стратегии, скрывающей более приземленные мотивы, которая вполне может совмещаться с популярной мифологемой о том, что в семинариях исключительно хорошо преподают языки, причем не только древние.

Так, рассказ информанта А., студента Медицинского института, свидетельствует о том, что эти представления были характерны для определенной части социума: «бабушка рассказывала, что в семинариях учат языкам не хуже, чем в царских гимназиях, и что после семинарии берут работать переводчиком в МИД»³. Мы полагаем, что сближение семинарии и «царской гимназии» в рамках единой наррации не случайно: семинария здесь выступает в качестве синхронической аллегии дореволюционного, «старорежимного» уклада, а семиотизация дореволюционного гимназического образования как недостижимого идеала была характерной чертой позднесоветской семиосферы. Данные представления в 1990-х гг. были распространены достаточно широко, в том числе среди студентов светских вузов, прежде всего гуманитарных специальностей, у которых отмечался заметный рост интереса к религиозной тематике, что в условиях переосмысления дореволюционного прошлого привносило в «семинарскую мифологию» новые коннотации. Так, интервьюируемый студент филфака в 1993-м г. рассказал: «В семинариях образование намного лучше, чем в университетах. Старая

² Там же.

³ Там же.

школа, еще дореволюционная. Прекрасные библиотеки. Это и научные центры: если бы «Настольную книгу священнослужителя» издали большим тиражом, в СССР атеистов бы не было»⁴.

Кроме того, в дискурсе присутствует тема конкурентных отношений между московской и ленинградской духовными школами. То, что отношения между школами были именно таковыми, следует в том числе из настороженного отношения выпускников Московской академии к ленинградской, отношения же «ленинградцев» к «москвичам» были скорее ироничными. В любом случае, конкурентные отношения духовных школ могли выступать триггером мифологизации, причем некоторые нарративы транслировались за пределы оригинальной семиосферы.

Так, архиерей-выпускник Московской академии говорил абитуриентам, зачисленным в ЛДС: «“берегитесь искушений Невского проспекта”, рассказывал, что семинаристы сидят по пивным и залезают в окна к девчонкам из регентского отделения»⁵. Действительно, различные, чаще всего вымышленные похождения ленинградских семинаристов и академистов породили своеобразный фольклор, в котором ловкий семинарист обманывает отца-инспектора и его помощников, идет на различные хитрости, чтобы тайно встретиться с возлюбленной, нарушает все нормы семинарского распорядка и выходит сухим из воды. Отчасти формирование подобного фольклорного нарратива обусловлено тем, что порядки в ленинградских школах отличались известным либерализмом, который усилился за годы пребывания на посту инспектора либерально настроенного о. Вениамина Новика.

Вот как в гипертрофированной форме описывает тогдашние порядки в академии анонимный клирик: «Хороший был человек о. Вениамин, но совершенно не подходил для инспекторской должности. Такого открытого пьянство и самовольных отлучек на ночь в Системе никогда не было ни до ни после. О. Вениамина, по-моему, эта наша бурсацкая удаль искренне ставила в тупик. Полный развал дисциплины начался после победоносного захвата старого здания Академии, где помещался физкультурный техникум.»⁶. Несмотря на то, что данное свидетельство следует воспринимать критично, оно интересно в плане анализа динамики мифологического сюжета. Согласно легенде, популярной в церковной среде, наведению порядка в ЛДА предшествовало неформальное обращение к патриарху одного из наиболее уважаемых и авторитетных преподавателей — В.И. Бронского. С другой стороны, и в дореволюционной семинарии пьянство и обман начальства «не считался чем-то предосудительным. Так, например, автор полтавских воспоминаний описывает, как студенты семинарии выпрашивали у ректора деньги на материальную помощь под видом покупки одежды, а затем деньги благополучно пропивали в кабаке. При этом ректор семинарии совершенно не интересовался, как были истрачены истребованные у него деньги» [8]. Семинарист-трикстер позднесоветского и перестроечного семинарского фольклора функционально приближен к образу монаха-трикстера европейской городской сатирической литературы, хотя и отличается от него на уровне семантики образа.

Легендарные сюжеты о похождениях советского семинариста, как правило, связаны с нарушением устава, обманом преподавателей, получением завышенных оценок, пьянством, воровством и хулиганскими выходками, количество эротических сюжетов

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Попытка реформации... URL: <https://kalakazo.livejournal.com/1033985.html> (дата обращения: 20.08.2021).

относительно невелико (при том, что нами фиксируется в различных вариантах нарратив о том, как ловкий семинарист соблазнил жену одного из митрофорных протоиереев), тогда как в шванках и фаблю именно эти сюжеты доминируют. Последнее объясняется тем, что в отличие от монаха, семинарист не приносит обета целомудрия, соответственно его любовные похождения в принципе менее скандальны.

Очевидно, что в данном случае обнаруживается практически тождество семиотических стереотипов о вольном и «веселом» поведении учащихся учебных заведений в целом. Семиотическое воспроизведение (включая рассказы, анекдоты и т. п.) жизни учащихся духовных школ включено в границы указанного выше стереотипа.

Отсутствие достоверной информации о жизни духовных школ, правилах поступления в них и особенностях обучения формировало мощный пласт слухов, в которых отчетливо прослеживается семиотика инаковости. Маркерами ее могут быть как высокий конкурс, делающий поступление невозможным для большинства желающих, так и мифологемы-стигмы. По свидетельству священника А., 34 года, получившего перед рукоположением высшее гуманитарное образование, его родители разделяли страхи перед «семинарией», сформированные семиотикой подобных слухов: «Когда я сказал, что хочу поступать в семинарию, родители прямо ужаснулись. Говорили, тех, кто не проходит по конкурсу, всех ставит на учет психиатр, а это волчий билет на всю жизнь. Конкурс был очень большой, как в МГИМО. Я и пробовать не стал»⁷. Скорее всего, представления о «психиатрическом учете» абитуриентов обусловлены еще и фактом расположения психиатрической клиники в непосредственной близости от зданий ленинградских духовных школ (семинарии и академии), что и в духовной, и в атеистической среде всегда порождало разнообразную, в том числе ироническую, трактовку. В контексте мифов о советской психиатрии, конструирующих прагматическую установку «психофобии», данный факт оказался триггером мифологических сюжетов. Кроме того, здесь возможна и связь с имеющимся в клинической психологии и психиатрии симптомом «метафизической (философской) интоксикации». Отметим, что сопоставление в едином дискурсе мифологемы-стигмы и более правдоподобного, но гипертрофированного указания на исключительно высокий конкурс, соотносящего семинарию с наиболее престижными советскими вузами, говорит о ламинарном характере соответствующих слухов.

Наряду с идеализацией духовного образования в дискурсе фиксируется и другая крайность, во многом являющаяся следствием советской атеистической пропаганды, изображавшей церковь как оплот невежества и мракобесия.

Отрицательные суждения также демонстрируют значительный диапазон как в жесткости критики, так и в ее соответствии реальности (от реальных моментов жизни церковных школ до мифологических фантазий). Также различаются они по степени актуальности (некоторые недостатки могут быть уже ликвидированы) и стремлением к глобализации замечаний, вплоть до классического превращения мухи в слона. Такие представления демонстрируют разную степень знакомства с реальным положением дел. Наконец, суждения можно поделить на разные группы в зависимости от принципиальной возможности и легкости верификации. Информант Б. в начале 1990-х гг. сообщал, что учебные конспекты по ряду предметов для сектора заочного обучения в МДС, которые ему удалось прочесть, отличаются примитивным и не весьма качественным уровнем, так что удивительно, что у кого-то эти предметы вызывают трудности в изучении.

⁷ Там же.

Чистейшие домыслы демонстрирует следующее интервью (инженер, пенсионного возраста, откровенно злоупотребляет алкоголем): «В семинариях учат, что Солнце — лицо Бога, поэтому на нем нет никаких пятен. Кто нормально учиться не может, тех берут в семинарию. Не вздумайте туда идти. Там одни...»⁸⁹. Пожалуй, обе части суждения воспроизводят штампы как научного атеизма, так и бытового антиклерикализма.

Примером локальной критики в рамках компетентного представления могут служить слова преподавателя ННГУ: «То, как сейчас в семинариях учат церковнославянский — сплошное искажение. Удивительно, но там нет вообще специалистов по славянскому языкознанию. Высокий уровень семинарий — это старый миф советской интеллигенции»¹⁰. Примечательна критическая рефлексия над социальной мифологией, типичной более для интеллигенции.

Критика локальная, с затрудненной верификацией: «В семинарии и раньше без взяток нельзя было учиться, и сейчас нельзя»¹¹. (Священник о. Владимир, из технической интеллигенции, образование Политехнический институт). Слова пенсионерки, учителя истории: «я была когда-то знакома с одним семинаристом, но в плане образованности он ничего собой не представлял. Тогда все считали, что семинарии типа Оксфорда, само это слово произносили с придыханием¹²» не несут следов явной антиклерикальной ангажированности и демонстрируют скорее общее разочарование при столкновении с частным случаем, экстраполированным на целое, ответ в целом соответствует объему заданного вопроса. Можно допустить, что при встрече с другим «семинаристом», обладавшим иным интеллектуальным и образовательным уровнем, мнение было бы более благоприятным.

На развитие семинарской мифологии влияли в том числе и гносеофобские тенденции, представленные среди духовенства, равно как формируемые ими семиотические фикции, демонизирующие семинарии и академии как оплот безнравственности и даже скрытого атеизма. Транслируемые за пределы религиозной семиосферы, они становились триггерами развития мифологических сюжетов. Интересно, что подобные взгляды, как это следует из наших наблюдений, часто носят полиюрисдикционный и межконфессиональный характер [9]. Так, один из лидеров катакомбного православия «...Лазарь (Журбенко) отвергал обвинения в ереси, оправдываясь тем, что в Русской Церкви “не осталось богословов, какими были Серафим Саровский, Сергей Радонежский и Феодосий Печерский. Преподобный Никита Стифат писал, что богословом является человек, стяжавший в себе Духа Святаго. Современные богословы таковыми не являются, сколько бы академий они не закончили!”»¹³. Подобное заявление в духе гносеомахии структурно вполне сопоставимо с радикально-протестантским фундаментализмом, согласно которому только апостолы были подлинными богословами, да после Реформации было невеликое число людей, которым Дух открыл истину, а все институты, семинарии и академии к Богу не приводят. По всей видимости, гносеомахия — интерконфессиональное явление, имеющее одинаковую семиотическую сущность. Однако в позднесоветский период поляризация и сегментация социального

⁸ Использована ненормативная лексика.

⁹ Архив авторов.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Лазарь (Журбенко) // Wikipedia.org. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%8C_\(%D0%96%D1%83%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%8C_(%D0%96%D1%83%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE) (дата обращения: 20.08.2021).

религиозно-конфессионального поля была мало кому очевидна, потому самые невыносимые смешения и трансформации этого поля были вполне возможны (так, в одном из первых номеров газеты «Протестант», имевшей совершенно определенный евангельско-баптистский уклон, всерьез говорилось о необходимости ознакомления масс обычных верующих со взглядами Бультмана и Бонхеффера — пример попытки изменить конфигурацию указанного поля невозможным образом).

В целом ошибочность или неточность суждений об уровне и качестве образования в духовных школах страдает «ошибкой квантора общности» — некорректным применением кванторных слов (прежде всего «все», «никто», «всегда»), в результате чего продуцируются нарративные конструкции вроде «Там все (подставляем нужное)», которые очень легко верифицируются и становятся поводом для критики.

Что касается домыслов, то они практически ничем не ограничены, если существует мифосемиотическое пространство, где они могли бы появляться. Так, в конце 1980-х гг. нам пришлось слышать, что самые серьезные знания (в контексте: обо всем, что относится к области философии и религии) имеются у Свидетелей Иеговы, поскольку они не просто протестанты, а самые строгие и радикальные (отнесение СИ к протестантам можно объяснить формированием представлений на основе атеистической литературы, где таковые обычно так и рассматривались). У респондента отсутствовали серьезные знания в области любой конфессии, но мнение он высказывал вполне серьезно и даже авторитетно.

Противостояние двух образов и двух типов отношения укладывается в бинарную модель противостояния конкурентных социальных институтов. Если учесть специфику образования, предоставляемого духовными школами, то в качестве оппозиции им выступали философские факультеты — редкие и со сложными правилами поступления (заметим, что далеко не все были осведомлены, что семинария — не высшее учебное заведение, а о деятельности, например, МИФЛИ в послевоенный период уже не все помнили). К тому же быт и устройство жизни духовных школ были достаточно закрыты для того, чтобы приобрести некий эзотерический ореол, стимулирующий самые фантастические предположения и домысливания. Дальнейшие представления вырастали из этой базовой оппозиции. Противопоставления чаще могли быть ценностно окрашенными (если, допустим, на философском факультете Д. Беркли оценивается негативно, как идеалист с клерикальным уклоном, то в семинарии отношение к нему должно быть максимально благожелательным) или с противопоставлением по степени глубины (реже), когда одни и те же авторы рассматривались в одном учебном заведении подробно и глубоко, в другом же — поверхностно.

Проведенное исследование показало, что образовательные институты, принадлежа к трансляторам социального, культурного, религиозного опыта, воспринимаются в аспекте исполнения этой функции (независимо от иных оценок); наследием более старых эпох является их своеобразная эзотеричность, способствующая мифологизации. Применительно к духовным учебным заведениям эзотеричность выражена значительно больше, чем у всех иных — сказывается разрыв традиции и появления в массовом сознании экзотических коннотаций у всего, связанного с религией, что делает попытки мифологизированного осмысления и более активными, и более причудливыми. Превращение религии в привычную часть социальной жизни должно сказаться на интенсивности мифологии и ее качественных характеристиках — оценочных, сюжетных и иных.

Список литературы

Исследования

- 1 *Алейников В.Н.* Религиозная политика советского государства и ее влияние на церковную жизнь Ставрополя в 1953–1964 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2013. 23 с.
- 2 *Александрова-Чукова Л.К., Галкин А.К.* «От первого лица»: богословско-пастырские курсы в Ленинграде в дневниках, резолюциях и письмах митрополита Григория (к двум 75-летним юбилеям открытия духовных школ: 22 ноября 1945 г. и 14 октября 1946 г.) // *Христианское чтение*. 2021. № 3. С. 68–89.
- 3 *Бурдые П., Пассрон Ж.-К.* Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007. 265 с.
- 4 *Катаев А.М.* Духовные школы Русской Православной Церкви в 1943–1949 гг. // *Вестник церковной истории*. 2006. № 1. С. 177–190.
- 5 *История Московской духовной академии* // Сайт Московской духовной академии Русской Православной Церкви. URL: <https://mpda.ru/history-of-academy> (дата обращения: 20.08.2021).
- 6 *Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М.* «Зоино стояние» — семиотика мифологического нарратива // *Вестник славянских культур*. 2020. Т. 55. С. 8–20.
- 7 *Марченко А.Н.* Хрущевская церковная реформа и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам Уральского региона (1958–1964 гг.): автореф. дис. ... д-ра историч. н. М., 2008. 65 с.
- 8 *Попова О.Д.* Мемуары семинаристов как отражение дискуссий о проблемах духовной школы второй половины XIX – начала XX вв. // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: История. 2016. № 2. С. 57–72.
- 9 *Прилуцкий А.М., Лебедев В.Ю.* Современное движение непоминающих священников: опыт семиотическо-религиоведческого анализа // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. № 88. С. 103–120.
- 10 *Светозарский А.К.* Возвращение Московской духовной академии в стены Троице-Сергиевой лавры в 1948 году // *Сретенский сб. Научные труды преподавателей СДС*. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. № 2. С. 596–625.
- 11 *Сухова Н.Ю.* Духовная школа при безбожной власти: компромисс или свидетельство (возрождение духовной школы в России в 1940–1950-х гг.) // VI Валаамские образовательные чтения. Мат. конф. к столетию революции в России. М.: Перо, 2018. С. 118–128.
- 12 *Тупикин Р.В.* Религиозное воспитание и образование в СССР // *Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии*. 2020. № 4 (9). С. 55–70.
- 13 *Ульяновский А.В.* Прологомены социальной мифологии // *Известия Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2006. № 21-1. Т. 7. С. 137–150.
- 14 *Федорчук А.Н.* Волынская духовная семинария в советское время: хрущевские гонения и прекращение работы // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 94. С. 74–94.
- 15 *Фирсов С.Л.* Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. СПб.: Сатисъ. Держава, 2004. 287 с.

- 16 Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, 2010. 432 с.
- 17 Цыремпилова И.С. История Иркутской епархии в трудах современных исследователей // Власть. 2019. Т. 27. № 5. С. 242–248.
- 18 Якунин В.Н. Куйбышевская епархия в 1937–1940 годах // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество. Мат. междунар. научн.-практич. конф., посвящ. 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Чита: Забайкальский университет, 2019. С. 93–96.

© 2023. Vladimir Yu. Lebedev
Tver, Russia

© 2023. Alexander M. Prilutskii
St. Petersburg, Russia

PERCEPTION OF THE THEOLOGICAL SEMINARY BY THE SOVIET INTELLIGENTSIA OF THE LATE USSR PERIOD

Abstract: The paper is to study the mythological late Soviet discourse about Orthodox seminaries and academies. The formation of this discourse took place in the conditions of alienation of a significant part of the Soviet intelligentsia from religion, which applies both to the humanitarian and technical intelligentsia. The sources of the formation of the corresponding mythologemes are atheistic propaganda materials, often representing religious relations in a caricatured, vulgarized form, stories of the older generation, often quite ignorant in religious matters, random information obtained from various sources, etc. Along with the Soviet intelligentsia, representatives of the clergy and lower clergy were also exposed to “church mythology”. First of all, this applies to the clergy who began their ministry in the years of perestroika. Many of them came to the church from a secular, sometimes atheistic background, so that they did not have family church traditions and were in many ways bearers of the late Soviet culture of everyday life. The discourse fixes the mythological idealization of spiritual education, with the emphasis on the deep study of classical languages and modern languages, continuity with pre-revolutionary schools, an exceptionally large competition of applicants. Along with the idealization of spiritual education, discourse records another extreme, which is largely a consequence of Soviet atheistic propaganda, portraying the church as a stronghold of ignorance and obscurantism. Negative reviews also demonstrate a significant range both in the harshness of criticism and in its accordance with reality (from fixing real moments in the life of church schools to mythological fantasies). The paper shows that negative reviews differ in the degree of temporal relevance and the desire to globalize the comments. Such reviews demonstrate varying degrees of familiarity with the real state of affairs.

Keywords: Seminary, Spiritual Education, Clergy, Mythology, Everyday Culture.

Information about the authors:

Vladimir Yu. Lebedev — PhD in Philosophy, docent, Professor, Professor of the Department of Theology, Institute of Pedagogical Education and Social Technologies, Tver State University, Zhelyabova St., 33, 170100 Tver, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4840-3135>

E-mail: semion.religare@yandex.ru

Alexander M. Prilutskii — PhD in Philosophy, Professor, Professor Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Kazanskaya St., 6, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7013-9935>

E-mail: alpril@mail.ru

Received: October 18, 2021

Approved after reviewing: October 19, 2021

Date of publication: March 29, 2023

For citation: Lebedev, V.Yu., Prilutskii, A.M. “Perception of the Theological Seminary by the Soviet Intelligentsia of the Late USSR Period.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2023, vol. 67, pp. 8–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-8-20>

References

- 1 Aleinikov, V.N. *Religioznaia politika sovetskogo gosudarstva i ee vliianie na tserkovnuiu zhizn' Stavropol'ia v 1953–1964 gg.* [Religious Policy of the Soviet State and its Influence on Church Life in the Stavropol Region in 1953–1964: PhD Thesis, Summary]. Vladikavkaz, 2013. 23 p. (In Russ.)
- 2 Aleksandrova-Chukova, L.K., Galkin, A.K. “‘Ot pervogo litsa’: bogoslovskopastyrskie kursy v Leningrade v dnevnikakh, rezoliutsiakh i pis'makh mitropolita Grigoriia (k dvum 75-letnim iubileiam otkrytiia dukhovnykh shkol: 22 noiabria 1945 g. i 14 oktiabria 1946 g.)” [“‘From the First Person’: Theological and Pastoral Courses in Leningrad in the Diaries, Resolutions and Letters of Metropolitan Gregory (on the Two 75th Anniversary of the Opening of Theological Schools: November 22, 1945 and October 14, 1946)”. *Khristianskoe chtenie*, no. 3, 2021, pp. 68–89. (In Russ.)
- 3 Burd'e, P., Passron, Zh.-K. *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniia* [Reproduction: Elements of the Theory of the System of Education]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2007. 265 p. (In Russ.)
- 4 Kataev, A.M. “Dukhovnye shkoly Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v 1943–1949 gg.” [Theological Schools of the Russian Orthodox Church in 1943–1949]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, no. 1, 2006, pp. 177–190. (In Russ.)
- 5 “Istoriia Moskovskoi dukhovnoi akademii” [“History of the Moscow Theological Academy”]. *Sait Moskovskoi dukhovnoi akademii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Website of the Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church]. Available at: <https://mpda.ru/history-of-academy> (Accessed 20 August 2021). (In Russ.)
- 6 Lebedev, V.Iu., Prilutskii, A.M. “‘Zoino stoinie’ — semiotika mifologicheskogo narrative” [“‘Zoya's Standing’ — Semiotics of Mythological Narrative”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 55, pp. 8–20. (In Russ.)
- 7 Marchenko, A.N. *Khrushchevskaia tserkovnaia reforma i ee vliianie na vnutritserkovnuiu zhizn' po materialam Ural'skogo regiona (1958–1964 gg.)* [Khrushchev Church Reform and Its Influence on Internal Church Life Based on the Data of the Ural Region (1958–1964)]: DSc Thesis, Summary]. Moscow, 2008. 65 p. (In Russ.)
- 8 Popova, O.D. “Memuary seminaristov kak otrazhenie diskussii o problemakh dukhovnoi shkoly vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.” [“Memoirs of Seminarians as a Reflection of Discussions on the Issues of Theological School in the Second Half

- of the 19th – Early 20th Centuries”]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii*, no. 2, 2016, pp. 57–72. (In Russ.)
- 9 Prilutskii, A.M., Lebedev, V.Iu. *Sovremennoe dvizhenie nepominaiushchikh sviashchennikov: opyt semioticheskogo-religiovedcheskogo analiza* [“Contemporary Movement of Priests who do not Pray for the Patriarch: An Attempt of Semiotic and Religious Analysis”]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii 1: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie*, no. 88, 2020, pp. 103–120. (In Russ.)
- 10 Svetozarskii, A.K. “Vozvrashchenie Moskovskoi dukhovnoi akademii v steny Troitse-Sergievoi lavry v 1948 godu” [“The return of the Moscow Theological Academy to the Walls of the Trinity-St. Sergius Lavra in 1948”]. *Sretenskii sbornik. Nauchnye trudy prepodavatelei SDS* [Sretensky Collection. Scientific Papers of Teachers of the SDS]. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyria Publ., 2010, no. 2, pp. 596–625. (In Russ.)
- 11 Sukhova, N.Iu. “Dukhovnaia shkola pri bezbozhnoi vlasti: kompromiss ili svidetel'stvo (vozrozhdenie dukhovnoi shkoly v Rossii v 1940–1950-kh gg.)” [“Theological School under Godless Power: Compromise or Testimony (Revival of Theological School in Russia in the 1940s–1950s)”]. *VI Valaamskie obrazovatel'nye chteniia. Materialy konferentsii k stoletiiu revoliutsii v Rossii* [VI Valaam Educational Readings. Conference Materials on the Centenary of the Revolution in Russia]. Moscow, Pero Publ., 2018, pp. 118–128. (In Russ.)
- 12 Tupikin, R.V. “Religioznoe vospitanie i obrazovanie v SSSR” [“Religious Education and Training in the USSR”]. *Teologicheskii vestnik Smolenskoj pravoslavnoi dukhovnoi seminarii*, 2020, no. 4 (9), pp. 55–70. (In Russ.)
- 13 Ul'ianovskii, A.V. “Prolegomeny sotsial'noi mifologii” [“Prolegomena of Social Mythology”]. *Izvestiia Rossiiskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2006, no. 21-1, vol. 7, pp. 137–150. (In Russ.)
- 14 Fedorchuk, A.N. “Volynskaia dukhovnaia seminaria v sovetskoe vremia: khrushchevskie goneniia i prekrashchenie raboty” [“Volyn Theological Seminary in Soviet Times: Khrushchev's Persecutions and the Termination of Work”]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii 2: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, no. 94, 2020, pp. 74–94. (In Russ.)
- 15 Firsov, S.L. *Apostasiia. “Ateist Aleksandr Osipov” i epokha khrushchevskikh gonenii na Russkuiu Pravoslavnuuiu Tserkov'* [Apostasy. “Atheist Alexander Osipov” and the Era of Khrushchev's Persecution of the Russian Orthodox Church]. St. Petersburg, Satis. Derzhava Publ., 2004. 287 p. (In Russ.)
- 16 Khriforova, O.B. *Kolduny i zhertvy: Antropologiya koldovstva v sovremennoi Rossii* [Sorcerers and Victims: Anthropology of Witchcraft in Modern Russia]. Moscow, OGI Publ., 2010. 432 p. (In Russ.)
- 17 Tsyrempilova, I.S. “Istoriiia Irkutskoi eparkhii v trudakh sovremennykh issledovatelei” [“History of the Irkutsk Diocese in the Works of Modern Researchers”]. *Vlast'*, vol. 27, no. 5, 2019, pp. 242–248. (In Russ.)
- 18 Iakunin, V.N. “Kuibyshevskaja eparkhiia v 1937–1940 godakh” [“Kuibyshev Diocese in 1937–1940”]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 80-letiiu Pobedy sovetskikh i mongol'skikh voisk na reke Khalkhin-Gol* [The Border Region in Historical Development: Partnership and Cooperation. Proceedings of the International Scientific-practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Victory of the Soviet and Mongolian troops on the Khalkhin-Gol River]. Chita, Zabaikal'skii universitet, 2019, pp. 93–96. (In Russ.)